

М. А. ОСОРГИН

Владимир Маяковский. Для голоса

Гос. изд. РСФСР. Берлин, 1923

Эта уже не новая книжка, великолепно изданная в берлинской типографии Лутце и Фогта, и не просто иллюстрированная, но — как на ней и обозначено — сконструированная художником Лисицким, невольно наводит на размышления совершенно особого рода. О ней почти не было зарубежных отзывов, потому что о Маяковском принято говорить *aut male aut nihil* *, как о талантливом поэте на казенной службе, и критика ставит его за одну скобку с Демьяном Бедным, Серафимовичем, Брюсовым.

В известном смысле, конечно, они и стоят за одной скобкой, но только за политической и моральной, а не за художественной. Брюсов — поэт выдохшийся; Серафимович — прозаик — вообще никогда в больших водах не плавал. Демьян Бедный — ловкий фельетонист-баснописец, типа провинциально-уличного, злободневный сатирик, о котором, как о творце и поэте, говорить не приходится. Но Маяковский стоит, конечно, совершенно особо.

Блеска настоящей гениальности, не раз сверкнувшей в культурнейшем Андрее Белом и в некультурнейшем Сергее Есенине, — в Маяковском нет, но исключительная даровитость его вне всякого сомнения. Он высокий мастер кованого, дерзкого, нового стиха, бьющего по хилым головам и раздражающего тех, кому удары адресованы. Лирики Маяковский чужд; он поэт не только «борьбы», но и кровавой драки, поэт вызова, наглого удара, не попадающего мимо. Когда пора политических оценок пройдет и художественная критика снова попытается быть беспристрастной, тогда, за отметеньем поэтического мусора, в числе оставшихся окажутся на равной степени признания и «бело-

* либо плохо, либо ничего (*лат.*). — *Ред.*

гвардейка» Марина Цветаева, и «коммунист» Владимир Маяковский — оба наиболее сильные, хотя и «гражданские», поэты последних лет. Я надеюсь не обидеть Марины Цветаевой, поэтессы значительно более широкого и более литературного размаха, таким сравнением с ее талантливим гражданским антиподом.

У Маяковского нет шаблонных слов; если даже он берет шаблонные коммунистические девизы, — он переплавляет их ту-пую ржавчину в поэтическую сталь. У него новая напряженность даже в забытом слове:

Грудью вперед браво!
 Флагами небо оклеивай!
 Кто там шагает правой?
 Лево!
 Лево!
 Лево!

Когда ему нужен барабан, он не ищет сочетания барабанных слов, а из сочетания звуков рождает призывную дробь:

Дней бык пег.
 Медленна лет арба.
 Наш бог бег.
 Сердце наш барабан.

И стоит, например, сравнить слащавые вздохи о голоде других поэтов со строками Маяковского, чтобы понять всю бездну различия поэтических мироощущений:

Сына?
 Отца?
 Матери?
 Дочери?
 Чья?
 Чья в людоедстве очередь?
 Помощи не будет.
 Отрезаны снегами.
 Помощи не будет.
 Воздух пуст.
 Помощи не будет.
 Под ногами
 Даже глина сожрана,
 Даже куст.

Были популярны, но едва ли значительны сатирические стихи Маяковского, хотя ни в таланте, ни в живой злости им отказать нельзя. В берлинской книжечке помещены две довольно широко известные его сатиры: «Кума» и «Красная шапочка».

Жил да был на свете кадет,
 В красную шапочку кадет был одет.
 Кроме этой шапочки, доставшейся кадету,
 Ни черта в нем красного не было и нету.
 Услышит кадет — революция где-то,
 Шапочка сейчас же на голове кадета.
 Жили припеваючи за кадетом кадет
 И отец кадета и кадетов дед.

В заключение кадета, вместе с манжетами, сожрали волки революции. Множество аналогичных стихов о коммунистах и их конечной гибели сочинено их противниками (может быть, и не кадетами), но острота волчьих зубов все же на стороне московского задиры. Только вряд ли эта сторона творческой деятельности Маяковского заслуживает серьезного внимания. Любопытнее его стихи просто шуточные, как, например, также известное стихотворение «Военно-морская любовь»:

По морям, играя, носится
 С миноносцем миноносица.
 Льнет, как будто к меду осочка,
 К миноносцу миноносочка... и т. д.

Но, отдавая дань творческому искусству Маяковского, признавая его выдающимся поэтом, даже и беспристрастной (но не бесстрашной!) критике нельзя забывать, что писатель слагается не из одного внешнего мастерства, хотя бы сопровождаемого внутренней напористостью, а и из духовной высоты и значительности. Маяковскому нельзя не поставить в минус (не в упрек! это не дело критики!) не то, что он — поэт низких истин, принятых (даже высочайше утвержденных) истин, а то, что его воинский пыл обрушивается лишь на обрушившиеся стены, что он певец борьбы на поле вчерашней победы, что он не пророк, а только воспеватель, ни разу не усомнившийся в аплодирующем ему хозяине, ни разу не вкусивший из чаши поэтических сомнений. Он не певец в стане воинов, а лишь бандурист на пирушке предводителей. Иными словами, он не народный поэт и шанса быть им не имеет; он даже не поэт данной опричнины — этот пост занят малодаровитым Демьяном Бедным. И нечего уже говорить, что даже по форме он не может быть поэтом «пролетариата и крестьянства». Вообще, Маяковский — для избранных: для чуждых политике любителей искусства и для чуждых искусству любителей политики.

Дарование Маяковского еще свежо и не вянет. Но даже если верный себе поэт победителей будет когда-нибудь черпать вдохновение из побед совсем иного режима, — певцом свободным,

плывущим поперек или против течения дня он все же никогда не станет. Это для нас обесценивает личность поэта, которую так трудно отделить от суммы творческих устремлений, да и вопрос еще — следует ли отделять. «По Маяковскому» (журнал «Лэф» и пр.), как раз и не следует.

Скажем еще, что к «большой литературе» Маяковский, конечно, не принадлежит. Но в ряду малых — он на видном месте, и заслуженно. Политической метлой он легко отметаётся в прижизненное небытие, художественной же метле он с тою же легкостью обломает прутья.

Очень хорошо книга «сконструирована» художником: маленький шедевр в своей плакатно-кричащей области.

